

Ходасевич Владислав Фелицианович

Тяжелая лира

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владислав Фелицианович Х.**
Тяжелая лира / Ходасевич Владислав Фелицианович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 63 с.

ISBN 978-5-521-29224-0

ISBN 978-5-521-29224-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МУЗЫКА.

Всю ночь мела метель, на утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мило все: и домик, и двѣмок,
Завившийся над крышей! Сребророзов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как-будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дорожный мой сосед, Сергей Иванович.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, по—тук! тук! тук!—не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... «С праздником, сосед!»
«А, здравствуйте!» Я тоже расставляю

Свои дрова. Он—тук! я—тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку!
Как-будто музыка?» Сергей Иваныч
Перестает работать, голову слегка
Припогымает, ничего не слышит,
Но слушает старательно... «Должно быть,
Вам показалось», говорит он.—«Что вы,
Да вы прислушайтесь! Так ясно слышно!»
Он слушает опять: «Ну, может быть—
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слышатся». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идет как-будто сверху:
Виолончель.. и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите!»
И бедный мой Сергей Иваныч снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказывать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне, наконец, становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры беремся. Тук! тук! тук!.. А [небо
Такое же высокое, и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

1920.

Так бывает почему-то:
Ночью, чуть забрезжут сны—
Сердце словно вдруг откуда-то
Упадает с вышины.
Ах—и я в постели. Только
Сердце бьется невпопад.
В полутьме с ночного столика
Смутно смотрит циферблат.
Только ощущеньем кручи
Ты еще трепещешь вся—
Легкая моя, пагучая,
Милая душа моя!

1920.

К ПСИХЕЕ

Душа! Любовь моя! Ты дѣвишь
Такою чистой вѣсотой,
Ты крылья тонкіе колѣнешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не наглажусь.

И какъ мне не любитьъ себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещаетъ он—тебя?

1920.

Душа моя как полная луна:
Холодная и ясная она

На высоте горит себе, горит —
Но слез моих она не осушит;

И от беды моей не больно ей,
И ей невнятен стон моих страстей;

А сколько здесь мне довелось страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

1921.

4

Психея! Бедная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смеет и не хочет:
Заслушавсь так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных почей.

Увы! за что, когда все спит,
Ей вдохновение твердит
Свои пифийские глаголы?
Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый.
Психея падает под ним.

1921.

ИСКУШЕНИЕ

Довольно! Красоты не надо!
Не стоит песен подлый мир!
Померкни Тассова лампада!
Забудься, друг веков, Омир!

И революции не надо!
Ее рассеянная раба
Одной венчается наградой,
Одной свободой — торговать.

Вотще на площади пророчит
Гармонии голодный сын:
Благих вестей его не хочет
Благополучный гражданин.

Самодовольный и счастливый,
Под грудой выцветших знамен,
Коросту хамства и наживы
Себе начесывает он.

— Прочь, не мешай мне, я торгую.
— Но не буржуй, но не кулак,
— Я прячу выручку дневную
— Свободы в огненный колпак!

«Душа! Тебе до боли тесно
Здесь в опозоренной груди.
Ищи отрады погнебесной,
А вниз, на землю, не гляди».

Так искушает сердце злое
Психей чистые мечты.
Психея же в ответ: «Земнос,
Что о небесном знаешь ты?»

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

1921.

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стрижу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

1921.